

А. Мусатов

ПОВОДЫРЬ

повесть

Анатолий Мусатов

Поводырь

«Автор»

2025

Мусатов А.

Поводырь / А. Мусатов — «Автор», 2025

Как бы ни казалось детство каждому из нас безмятежным и безоблачным, любой человек может припомнить события, когда его жизнь могла оборваться по прихоти случая, стечения обстоятельств или просто из-за отсутствия собственного жизненного опыта. Счастлив тот, кто, не зная об избранности его судьбой, не подозревает, что Провидение посылает ему своего пастыря – мудрого хранителя и поводыря... Совсем недавно закончилась война. В маленьком городке протекает жизнь двух закадычных друзей. Несмотря на мирный, ухоженный вид, городок полон опасностей. Тринадцатилетнего Антона и его друга Чуму в руинах и окрестностях городка поджидают смертельные ловушки. Каждый год из компании мальчишек двора, затаившийся призрак войны уносит жизни их приятелей. И никто из них не знает, кому выпадет на следующий день трагический жребий...

© Мусатов А., 2025

© Автор, 2025

Анатолий Мусатов

Поводырь

В один из чудных, осенних дней по аллее сквера не спеша шел старик. Он осторожно ступал по ковру из опавших листьев, явно не желая нарушать его прихотливый рисунок. Было заметно, что он устал. Оказавшись рядом с ближайшей скамьей, старик медленно опустился на нее. Привалившись к спинке скамьи, он прикрыл глаза и замер. Возраст брал свое. Трудно стало выходить на прогулки. Но в этот день, солнечный и покойный, что-то заставило его пройти немного больше, чем привычное количество шагов.

– Вы не возражаете, если я присяду? – прервал его дрему негромкий голос. Старик удивленно глянул на стоящего рядом мужчину. «Откуда он взялся?», – мелькнула мысль. Только что вокруг никого не было...

– Извините, что нарушил ваш покой. В такое время неплохо и вздремнуть. Погода чудо как хороша, не так ли?

Не дожидаясь ответа, мужчина расположился рядом. На нем был плащ серого цвета, кепка, надвинутая на лоб, цветом в тон плащу. Его лицо было скрыто тенью от низко надвинутой кепки. Мужчина закинул ногу на ногу и продолжил:

– Я, Антон Михайлович, не хотел прерывать ваш отдых. Но ваше настроение побудило меня к этому.

– Вы что, знаете меня? – удивленно вскинул брови старик.

– О, да, – качнув головой, улыбнулся мужчина. – Уже много десятков лет. Не удивляйтесь, вы обо мне никогда не слышали и даже, как мне кажется, и не подозревали. Тем не менее, наши с вами встречи иногда были очень своевременными.

– Сомневаюсь, что знал вас когда-нибудь, – усмехнулся Антон Михайлович. – Что-то я не припомню вас в числе моих знакомых.

– Ну это понятно. Мне приходилось прикладывать для моего инкогнито некоторые усилия.

– И как же это могло быть? – иронично обронил старик.

– Ах, Антон Михайлович! Как я уже говорил вам однажды, я – человек бывалый. Наши судьбы пересекались столько раз, что они стали восприниматься вами, как случайности, совпадения, везение и просто как предусмотрительность.

– Пусть так, как вы сказали. Но при таком плотном совместном существовании я непременно должен был знать вас. Иначе я могу подумать, что ваше существование относится к невидимым личностям, как-то ангелы, призраки и прочие внетелесные ипостаси. К вашему сведению, я никогда не верил в воображаемые субстанции. С самого детства. Так что, если вы не призрак, который может находиться рядом совершенно незамеченным, то ваши розыгрыши не совсем корректны.

– Ну что вы, Антон Михайлович, не волнуйтесь так, – торопливо проговорил мужчина, глядя на потемневшее лицо старика. – Я вовсе не хотел сказать ничего обидного или задевающего ваши чувства. Столько лет быть рядом с вами и не поговорить, было бы несправедливо по отношению к вам. Честное слово, не принимайте мои слова так близко к сердцу.

– Не беспокойтесь, мне приходилось встречать в своей жизни многих оригиналов, – сухо ответил Антон Михайлович.

– Ну, что ж, благодарю за такой статус. – рассмеялся мужчина. – Давайте лучше предадимся наслаждению последними деньками такой осенней поры.

Мужчина с удовольствием потянул носом воздух и удовлетворенно выдохнул. Глядя на возню мальчишек невдалеке, мужчина сказал:

– Интересно наблюдать за этими детьми. Сейчас это почти нонсенс. Вся детвора в их возрасте сидит по домам, уткнувшись в экраны смартфонов. А эти гоняют мяч. Совсем, как было в вашем детстве, ведь так, Антон?

Старик некоторое время молчал, затем с опаской спросил:

– Кто вы?

– Я отвечу на ваш вопрос, но прежде хочу спросить вас, – что вы думаете о тех сущностях, которые люди называют ангелами-хранителями? Причем, совершенно вне связи с религиозным подтекстом. Просто в критических ситуациях некоторые из счастливых чудесным образом остаются целыми и невредимыми, хотя по всему им суждено было погибнуть, либо остаться калеккой. Так как? Вы верите в эту незримую сущность?

– Вопрос веры не в моей компетенции, но скажу, – если такие случаи с кем-нибудь происходят не один раз, то, пожалуй, можно предположить, что есть нечто предопределенное, охраняющее жизнь такого «счастливого». Но это все лишь предположения, не имеющие никакого реального доказательства. И потом, разве не может случиться так, что цепь случайных совпадений есть всего лишь цепь случайных совпадений. Разве не так?

– Если принять вашу позицию, то я знаю совершенно точно, что в вашем случае цепь случайных совпадений была слишком избирательна. Вы можете сами в этом убедиться, если припомните, что с вами случилось. Хотя бы в детстве, еще незамутненного никакими проблемами взрослой жизни. И не ангел ли-хранитель стоит за этими случаями?

На последних словах голос мужчины стал пропадать. Антон Михайлович едва расслышал окончание реплики мужчины. Старик открыл глаза. Проведя ладонью по лицу, он недоуменно огляделся. На скамье никого не было. Антон Михайлович взглянул на часы. Прошло всего четверть часа.

– Померещится же такое, – пробормотал старик.

Он встал и медленно побрел по аллее. Азартные крики мальчишек догоняли старика. Но они не отвлекали его от навязчивой мысли. Из головы не шел привидевшийся во сне мужчина. В том, что приключилось с ним во сне, старик не сомневался. Он усмехнулся, – уж больно реален был этот сон. Вот только Антон Михайлович никак не мог вспомнить лицо незнакомца. Его фигура, одежда, обувь словно отпечатались в памяти, но лицо... Вместо него было туманное, серое пятно.

Слова мужчины взбудоражили старика. Они всколыхнули в нем невероятно давние воспоминания. Детство, – неужели оно было когда-то? И пока он шел, эти грезы наплывали неторопливыми волнами. Они словно омывали его душу.

Старик думал, как стремительно время уносит года жизни, оставляя после себя лишь зыбкие мосты памяти. Одни из них покоятся на прочных основаниях памятных дат. Другие, менее значимые, помнятся общими пластами. Но есть среди них те, которые лёгкими видениями, дымкой грёз пробуждают в душе непонятную грусть, светлую печаль.

Конечно же было оно, детство, и он снова шел по этому зыбкому мосту своей памяти к тому берегу, который оставил так давно! Берег был невесом, порой призрачен, истаивая иногда до дальних пределов ощущения. Но пока этот мост ещё виден его сердцу, старик спешил вновь пройти по нему, к тем незабываемым годам. Антон Михайлович знал, что сможет достичь желанных берегов, память не подведет его, и он снова окажется там, на дальних берегах светлоструйной реки Писсы...

Глава 1

Маленький немецкий городок, именовавшийся прежде Гумбинненом, а теперь носивший имя боевого русского капитана, затерялся среди изумрудных полей древних прусских земель. Несмотря на стоявшую половину зданий в руинах, городок был так же аккуратен и чист, как и до поразившего его недавнего катаклизма войны. Охватываемый, как подковой, быстрой рекой со смешным для мальчишеских ушей названием Писса, он лежал в её лоне, будто забытый временем страз. А река, оживляя городок только одним своим присутствием, стала для Антона средоточием почти всех его интересов.

В тот год Антон, только что переехавший сюда с родителями, с жадным, неутолимым любопытством изучал окрестности кварталов, ставших теперь на некоторый период его жизни вотчиной и полем обширной деятельности. Слава же про них ходила недобрая. Бывший местом ожесточённых сражений, городок, как, впрочем, и все остальные на этой земле, был так напшигован взрывчаткой во всех её мыслимых видах, что несчастные матери, оставляя без присмотра своих живчиков-сыночек, с замиранием сердца прислушивались к внезапно раздающемуся где-нибудь буханью. Что бы ни производило весьма знакомые звуки, отдающиеся в голове, словно стук сердца, – будь то хоть громы дальней грозы либо нечаянный выхлоп проезжей машины, – случившимся слышать их женщинам становилось дурно до обмороков. Что и говорить, поиски трофеев войны были главным занятием этой славной когорты бесстрашного пацанья. Некоторые из них становились жертвами своего увлечения, и каждый год останки железного призрака войны собирали свою скорбную дань.

Антон спервоначалу скептически относился к таким рассказам. В свои тринадцать он считал себя вполне самостоятельным и неглупым парнем. Тем более что частенько по семейным обстоятельствам ему приходилось в одиночку присматривать за своими братьями-малолетками. Пока родители, выясняя отношения, разбегались по разные стороны баррикады, он был и сторожем, и нянькой, частенько решая жизненные проблемы своих братьев с помощью тычков и затрещин.

Будучи вспыльчивым субъектом, Антон не церемонился и со своими сверстниками, давая им понять, что верховодить над собой никому из них не позволительно. Отсюда происходило много разных сложностей в общении с пацанами. Но уважением, за независимость и крепкий кулак Антон всё же среди них пользовался. Тогда же появился у него закадычный дружок Витька по прозвищу «Чума». Он, как исконный абориген, знал все места в округе и щедро снабжал Антона нужной информацией. Хитрый и юркий, небольшого росточка, Чума сразу же признал первенство над собой умного и крепко сбитого Антона. К тому же, страсть Антона к разного рода приключениям, просто-таки влюбила его в своего изворотливого приятеля.

Витька и сам обладал в сильной степени авантюрным складом характера. Не прочь иногда отчебучить некий фортель, он частенько бывал бит своим, весьма крутого нрава, папашей. Витьке, например, ничего не стоило умыкнуть полмешка картошки с добрым куском копчёного окорока, в придачу к изрядной куче других съестных припасов, которые заботливо хранила в подсобке его мать, прихватить своего огромного, чёрного, в рыжих подпалинах, пса и исчезнуть этак на недельку-другую. Надо сказать, родители Витьки привыкли к такому его режиму. Поначалу для острастки пороли ремнём, но оставались восвосяси, ибо поделать с ним ничего было нельзя. Мать, отплакав своё в первые разы его исчезновений, полагая, что Витька либо утонул в быстрой Писсе, либо подорвался на шальном фугасе, решила про себя, – чему быть, того не миновать и успокоилась. Папаша и вовсе был только рад скинуть неуправляемое дитя на откуп природе, доверив воспитание оному мудрому провидению.

В общем, приятели, деля свои привычки на двоих, не худо проводили время. Если бы не досадные обстоятельства в виде посещения школы и непременно ежевечернее возвращение в родительские пенаты, их жизни позавидовали бы многие тысячи сверстников. Мать Антона, работая с утра до ночи, всё же умудрялась как-то контролировать его. Уроки, как школьные, так и музыкальные, она проверяла неукоснительно и ежели что было не так, Антон попадал под пару горячих соприкосновений с отцовским костылём.

Но всё это было пустяками по сравнению с той долгожданной свободой, от которой кружилась голова и живее струилась кровь по молодым жилам. Правда, частенько струиться ей приходилось из расквашенного носа, разбитых губ, а то из обширных порезов. Они, в качестве неминуемой дани доставались Антону от бурной деятельности по изучению и познанию взаимоотношений с окружающим его миром и населявшими его обитателями. После скучного белорусского местечка, где они проживали до этого, нынешнее место казалось Антону чуть ли не раем на земле. По приезду на новое место жительства, Антон, в нагрузку по присмотру за своими братьями, получил статус взрослого, о коем мать с отцом, загруженные работой и собственными взаимоотношениями, объявили ему незамедлительно. Обретя это восхитительное чувство самостоятельности, он в полной мере использовал свой шанс. Правда, приходилось таскать за собой и братьев, но они не мешали ему, а для компании были даже иногда полезны, создавая видимость количества её. Самый младший был нежным и робким мальчуганом, никогда не доставлявшим ему хлопот. Средний же, бывший Антону погодком, строптивый и упрямый, не давал зевать и расслабляться.

Антону приходилось учить их уму-разуму и многим другим полезным пацаньим навыкам, что само по себе давало право иметь их на посылках и подхватах. Иногда он проявлял деспотичность и крутость нрава, отпуская братьям по малой толике затрецин и подзатыльников, о чем незамедлительно докладывалось матери. Спор решался всегда не в его пользу по вполне понятным причинам, кои, конечно же, Антону казались несправедливыми и смехотворными. Младшенький, как маменькин любимчик, был вообще неприкасаемой личностью, а погодок не удался здоровьем. По этой причине он попадал в тот же разряд, что и младшенький. Раздосадованный наказанием, а ещё более невозможностью повлиять на процесс воспитания своих братьев, Антоша исхитрялся доказывать свою правоту иезуитскими, но действенными методами. Потаскав их с полчаса по окрестным болотам, густо заросшими камышом и осокой, дав братьям вымокнуть, устать изрядно и получить по паре порезов, он с легкой душой отводил их домой. Вполне понятно, что они оставались там сушиться и лечить свои раны.

Выслушав от матери краткую нотацию, Антон, освободив свою свободолюбивую душу от балласта, как на крыльях мчался за дружком-приятелем. Чуму долго искать не приходилось, ибо он, как верный пёс, всегда ошивался где-нибудь поблизости. Они уходили в затопленные луга, исхаживая в день по десятку километров. Устав до изнеможения они падали без сил на первый же пригретый солнцем бугор. Мокрые, но невозможно довольные и счастливые, друзья долго молча глядели в небо, высматривая там быстрых стрекоз, проносившихся над ними с тонким свистом стрижей и серебряные черточки далеких, редких самолётов.

Такая вольница могла длиться почти круглый год. Мягкие зимы больше походили на лето где-нибудь в пермском краю, а уж про весну и осень нашим горячим натурам и заикаться не стоило. Вся ребятня, презирая местный климат, прекрасно обходились одним набором одежды, состоящей из рубахи и штанов, желательнее попрочнее, чтобы можно было, зависнув на суку или соседском заборе не предаваться размышлениям, что устоит в противоборстве – забор или штаны! Такое отношение к утеплению собственного тела, порождало вначале массовые эпидемии простуд. Но постоянным явлением это не стало. Насквозь промокшие, в одних рубахах и штанах, завернутых до колен, шлёпая босыми ногами где-то за городом, забывая, что на дворе октябрь, они резвились с такой энергией, что пар валил от них как из паровозных

котлов. В конечном итоге, закалённые ватаги юных авантюристов только выигрывали от столь тесного противоборства с природой.

И, как всегда это бывает, голодные желудки и неутолимый, гипертрофический аппетит после многочасовых физических трудов, этот основной мотив и движитель, частенько заставлял многочисленных пацаньи оравы травить местные огороды и совхозные поля. Битвы на этом фронте между частниками и подхлестываемой первобытным инстинктом насыщения юной плотью шли не на жизнь, а на смерть. Уж кто попался, – держись! Сеченые в кровь ягодицы несознательной молодежи были цветочками в многочисленном ряду изощрённых методов борьбы с ними владельцев ограбленных огородов и совхозных сторожей. Дома тоже не жаловали этот вид деятельности, дополняя уже имевшиеся отметины свежими родительскими «увещеваниями». Но, как и все благие намерения, ничто не возымело над неукротимой жаждой самоутверждения! Изобретались доселе невиданные способы противостояния косной массе ненавистного частного сектора.

Особенно были в чести отстрелы кур и гусей. Для этого сооружались мощные луки и стрелы, с наконечниками из медных рубашек от пуль, россыпи которых в изобилии имелись в развалинах близлежащих домов. На оперение для таких стрел шли маховые перья крупных ворон. Они постригались по-особому, а поэтому придавали стрелам прекрасные аэродинамические качества, не говоря уже о шике. Немногочисленные умельцы, поднаторевшие в изготовлении такого чуда-оружия, были в особом почёте у всей мало-мальски знакомой братвы. Добытая с риском дичь, становилась вдвойне ценнее и оттого поедалась с особыми ритуальными действиями. Действия были подсмотрены из редких в то время киношек про индейцев и ковбоев, а также частью почерпнуты из зачитанных до прозрачности листов приключенческих книжонок.

Среди достойного внимания добычи попадались вороны, голуби и прочая пернатая живность. Они, в сочетании с ободранными тушками лягушек, прошедших особый цикл обработки, считались валютой среди пацанья. Пара протухших лягушачьих тушек в придачу к зверски вонявшей трёхнедельной вороне приравнивались к одной стреле и наконечнику. Выменянная тухлятина срочно прилаживались на проволочные, обтянутые мелкой цинковой сеткой, круги, превращаясь, таким образом, в чудесные рачьи деликатесы. Эти приспособления, именуемые «раковушками», имелись в хозяйстве каждого уважающего себя мальчика. Писса, будучи быстрой, с кристально чистой, холодной водой, была прибежищем несметного количества особой рачьего племени. Эти огромные, сине-чёрные панцирные твари, рассматривающие речку, как своего рода рачий рай, были огромны до жути. Одного рака хватало, чтобы мужик, задавшийся целью хорошо посидеть вечерок за парой-тройкой литров пива, мог не задумываться о закуске к нему.

Раки обменивались в соседнем стройбате на файер-патроны, противогазы, сапоги, сапёрные лопатки, штыки, плащ-палатки, знаки различия, пилотки, звёздочки, и прочий нехитрый солдатский скарб. Кое-кому перепало что-то и посерьёзнее, вроде десантных ножей и ракетниц. Раки и рыба имели исключительную ценность среди служивого люда этого славного рода войск, – как среди начсостава, так и среди вечно голодной рядовой братвы. Будь у них что-либо повнушительнее, вроде танков, артиллерии, пацаны уже в первый же месяц разоружили бы и раздели эту часть до исподнего. Да и дома главы семейств многое прощали своим ушлым отпрыскам за одну только пайку вкусного, ароматного рачьего мяса к урочным часам отдыха. Одобрительно крякая после принятой кружки пива с дымящимся оковалком, вынутым из клешни, отцы семейств в это время могли поставить, не глядя, свою подпись в дневнике под любым истошным воплем классного руководителя!

Антон частенько пользовался этой лазейкой в отцовской душе. И чем больше была принесённая добыча, тем мягче становилась карающая длань родителя. Пропущенный накануне

учебный день в школе неминуемо оборачивался «неудами» и жирными «колами» в замызганном и истерзанном неумным обращением, дневнике!

Что тут поделаешь!? Искушение было непомерно для нестойкой детской воли и ноги сами заворачивали на Писсу, благо путь в школу пролегал по берегу этой проклятуше-соблазнительной реки! А уж мимо взорванного моста пройти без содрогания в душе и вовсе было невозможно! Там, на метровой глубине, в многочисленных лабиринтах бетонных обломков процветало самое отборное рачье племя. Мысли при виде этого благодатного места так и взвизгивались! В их круговерти, отсепарированная мощным соблазном, оставалась только одна: «Вчера я был на географии... сегодня её пропущу... плевать, велика важность, география... вот физика за ней... как раз успею...». А на разбитых мостовых «быках», как назло, в это время сидел Чума. Призывно размахивая руками, истошно орал: «Тошка, тут один, с мою руку, только что ушёл под этот камень! Давай быстрее!».

Не было сил устоять! Да и как устоять, если с вечера в портфель было уложена ароматная приманка. От неё разило так, что собаки, учуяв нестерпимое благовоние от портфеля, держались около пацанов как пришитые. Расчёт был прост – после занятий как раз половить часок-другой именно на этих «быках». Но искуситель не дремал! И вот к злосчастной географии прибавалась соседняя физика, а там, глядишь и остальные пара-тройка уроков. Опоминались наши раколовы только тогда, когда несметные стаи воронья, с оглушительным ором начинала устраиваться на ночь в кронах деревьев по обоим берегам реки. Заходящее солнце, окрашивая багрянцем верхушки деревьев, бросало зловещие отблески на воду быстрых перекатов, как бы напоминая своим цветом о грядущей расплате. Мокрые по пояс, усталые, с затаившейся тревогой в душе приятели нехотя брели домой.

Но проходило время, забывались огорчения и неудачи, а река, как добрая ласковая рука, снова давала им своё утешение. В ней они смывали и боль, и обиды, черпая всей душой в благодатных водах её силу духа и крепость для растущих тел...

Летом, в законные три с лишним месяца отдыха измученный тяжким учебным процессом Антон и вовсе не знал удержу. В придачу к основным боевым подвигам ему, как натуре деятельной и изобретательной, всегда удавалось сотворить несколько рискованных ситуаций. Их закономерным итогом становились и сломанная рука, и сотрясение мозга, и утопление во время испытания мини-субмарины. Спас Антошу случайный прохожий. Подложив свою кепку под его голову, мужчина, тяжело отдуваясь от перенесенных усилий, мягко приговаривал: «Вот понесла тебя нелёгкая! А если бы никого рядом не случилось? Что бы ты делал? Раков бы развлекал? Вот дуралей так дуралей! И кто тебя только надоумил залезть в эту железную бочку? Самого бы его туда! Надо же, парня подучил, а сам где-нибудь сидит и потешается над этой мокрой курицей!». «Никто меня не подучивал», – слабым голосом выразил свой протест Антон. Его обидело это замечание мужчины. Как будто он и сам не в состоянии придумать такую штуку. «Вот-вот, я и говорю, – перевернулся тут же его спаситель. – Если бы тут кто-то учил, как следует уроки, то знал бы, что железные бочки с дырами тонут точно так же, как и топоры!» «Не дыры это, – насупился Антон, – а люки, только они протекать стали». «Протекать стали! – покачал головой мужичонка. – В голове у тебя протекает. Дожил до стольких лет, а простых вещей не знает! Если ты и дальше так будешь транжирить свою жизнь, то я и дырявой бочки, которую ты утопил, за неё не дам! Понял меня?»

Странное дело, но Антон вдруг почувствовал, как в его наполненной гулом и звоном голове, появилось неуловимое, и, вместе с тем, сильное желание согласиться с ним. Не было обычного чувства противоречия. Не было даже подспудной мысли об этом, было только чувство подчинения, без размышлений и анализов «почему да как». Он молча кивнул и закрыл глаза. Мужичонка толкнул его в плечо: «Идти можешь? А то до дому провожу!». Чума, сидев-

ший рядом, серьёзный и насуспенный, с готовностью оживился: «Конечно, дядь, сейчас пойдём. Тошка, побегли, а то дома влетит!».

Антон приподнялся и сел. Насквозь мокрая одежда стала тяжёлой и неприятно липла к телу. Голова ещё кружилась, противная дрожь заставляла ноги ходить ходуном. Но казаться слабаком ему не хотелось. Уцепившись за друга Антон встал. Ему вовсе не улыбалось, чтобы этот дядька рассказал матери с отцом об его утоплении. Антон представил себе их реакцию и это показалось ему пострашнее случившегося. Он хрипло прокашлялся и сказал: «Ну, это... я ведь могу идти».

Какой-то инстинкт подсказывал ему, что просто вот так уйти нельзя. Его только что спас от смерти этот дядька, и что надо что-то сказать, но что говорить Антоша не знал. И потому он, собравшись с духом, сказал: «А как вас зовут? Вы приходите к нам, но только не сейчас, а то мама догадается...».

Его спаситель, едва улыбнувшись уголками губ, оборвал Антона и потрепал по голове: «Ещё как догадается! Ты же мокрый весь. Идите-ка лучше вон в те кусты, отождитесь, как следует, подсохните и бегите домой. Случай приведёт, мы свидимся с тобой. Ну, бывай, горематрос!» – и, повернувшись, мужчина, на ходу выжимая пиджак, скорым шагом стал подниматься наверх, по крутому берегу.

Домой шли молча. Не хотелось разговаривать, – каждый из приятелей переживал случившееся по-своему. Но каждый точно знал одно – не будь поблизости этого мужчины, всё кончилось бы страшно и бесповоротно. Внезапно Чума остановился, как будто его дёрнули за рубаху:

– Слушай, а почему около нас оказался только этот дядька? Ведь на мосту было полно людей, и по берегу их шло много. А нас как будто никто не видел и не слышал. Я ведь орал во всю глотку, когда у тебя там забулькало... Странно это, не думаешь?».

Антон остановился. С минуту он молча глядел себе под ноги, затем, кивнув головой, протянул:

– Да-а, непонятно...

– Вот и мне удивительно, – тихо отозвался Витька.

Вечером, лёжа в постели, Антоша долго не мог уснуть. Ему всё представлялся сегодняшний случай. И никак не шла из головы удивительная загадка, высказанная Чумой. «Почему?...». Что-то не складывалось в его, отягощённой впечатлениями и переживаниями, голове. Как можно было вытащить его вместе с бочкой, (а она была не маленькая, литров двести, как уверял их Косой, когда продавал им её за пять рублей)?! Это ж какую силищу надо иметь, чтобы выволочь бочку, полную воды вместе с Антоном на берег?! Да и дядька-то был совсем не видный, длинный и тощий какой-то! А подмоги ни у кого не попросил, сам справился! Чудно это как-то!

Но самым удивительным, самым непонятным было не это. Как ни силился Антоша, как ни старался, никак не мог вспомнить лицо своего спасителя. Ему отчётливо представлялись и мятый, неразлично-серого цвета пиджак, и его узловатые, удивительно тонкие, длинные пальцы, и кепка, такая же серая, словно подёрнутая пеплом. Он хорошо помнил платок, которым тот вытирал лицо и волосы Антоши, и даже его сапоги. И лишь лицо самого мужчины оставалось для него неясным, темно-серым пятном. Оно как бы вбирало в себя взгляд Антона, гипнотически усыпляя его, и он, не в силах противиться этой силе, погрузился в глубокий, спокойный, без сновидений, сон.

Наутро, едва встретившись с Чумой, Антон немедленно направился на свою тайную базу, где хранилась всякая-всячина и, главное, только что отстроенная подводная лодка. Это чудо корабельного искусства было сооружено по особому проекту из огромной, вместительной железной бочки. Полтора месяца драгоценного времени каникул было принесено в жертву приятелями.

Наконец, настало время испытаний. Накануне они под честное слово раздобыли мощную тележку у местного угольщика. Водрузив на неё свой подводный корабль, они намеревались с утра провести генеральные испытания. Выступить в качестве первого капитана выпало по жребию Антону. Чума должен был остаться на берегу, держа один конец толстой верёвки. Другой накрепко привязали к «субмарине», на случай, если быстрое течение станет сносить её на середину реки.

Когда Антоша снял замок с дверной петли, распахнув дощатые двери, закрывавшие вход в обширную полуземлянку, темнота поначалу не дала приятелям насладиться фантастическим видом подводного корабля. Но едва неумолимые мгновения позволили, наконец, разглядеть внутреннее пространство временной верфи, потрясению Антона и Витьки не было предела. Подлодка, ещё вчера вечером красовавшаяся на тележке угольщика, исчезла, испарилась как сквозь стены. Если бы не подмости, красноречиво говорившие о месте сооружения их подводного судна, словно и не было славного корабля! Ошарашенные приятели молча обошли место постройки «субмарины», не веря своим глазам. Спустя минуту они, взглянув друг на друга, одновременно вскрикнули, что было сил: «Косой, гад, только он! Некому больше!».

Всё исчезло из памяти мальчуганов, растворилось в ночном сне. Ни следа не осталось от трагедии, которая могла случиться с Антоном накануне. Начисто пропал из их памяти и день, и событие, и тот самый нечаянный спаситель, который так вовремя оказался рядом.

Глава 2

Жизнь Антоши и его приятеля, не могла, в силу их юного возраста исчерпываться только одной своей гранью. Река была в ней как бы канвой, даже, в прямом смысле, географической, Широкой выгнутой дугой она охватывала почти весь город. Антону, как он сам считал, сильно повезло. Живя на окраине этого маленького городка, он имел самый тесный контакт, всего каких-нибудь полкилометра, с сей водной артерией.

Путь к реке пролегал по многим живописным местам. Одним из них был заброшенный комплекс бассейнов, выстроенных на открытом воздухе всего в полустах метрах от Писсы. Это было замечательное сооружение. Огромный плавательный бассейн с существовавшей когда-то, в лучшие времена, системой подогрева воды, с имевшимися при нём двумя вышками, был притягательнейшим объектом забав детворы всей округи. Система забора воды из поилицы-реки также пришла в полную негодность. Потому в особо тёплое время вода в бассейне приобретала ядовито-зелёный цвет. Такая мелочь не могла отпугнуть многочисленные ватаги аквафилов, тем более что бассейн перед речкой имел одно большое и неоспоримое, особенно в отсутствие солнца, преимущество. В нем всегда вода была тёплой, даже в затяжные пасмурные дни.

При своём большом собрате имелся также маленький бассейн, «лягушатник», частенько служивший палочкой-выручалочкой Антоше. Запуская туда своих братьев и строго наказывая им даже и не помышлять об отлучке, он с энергией молодого тюленя предавался водным утехам. Щекотавшие нервы прыжки с семиметровой вышки, «тарзанка» на берегу холодной Писсы и ещё неисчислимое количество придумок отнимали всё его внимание. И когда, спустя несколько часов, накупавшись до мертвецкой синевы на губах и невозможности произнести связно хоть одно слово из-за сотрясавшего все тело колотуна, вспомнив о своих младших, он находил их на том же месте. Правда, в ещё более укупанно-плачевном состоянии.

Вытаскивая из их волосёнок куски лягушачьей икры пополам с застрявшей там же нитями зелёных водорослей, Антон затем ещё долго растирал тощие, обтянутые пупырчатой кожей, скелетики своих подопечных. Вести домой их в таком состоянии нечего было и думать. Потому Антоша располагался тут же на мягкой, тёплой и густой траве. Младший, Димка, сейчас же засыпал. Оставшаяся троица, то бишь, оба брата и неразлучный Чума, предавались неспешным беседам, обсуждая животрепещущие темы.

По другую сторону, левее от этого главного направления, идя мимо казарм автобата и стройбата, можно было, перейдя речку по деревянному мосту, попасть в другое заповедное место. Это была огромная свалка разбитых, сгоревших, покорёженных и взорванных останков всевозможной военной техники. Танки, и наши, и немецкие, вперемежку с истребителями и тяжёлыми бомбардировщиками дальней авиации, (поговаривали, что среди них лежит один из тех первых дальних, совершивших налёт на Берлин в первый месяц войны), бессчётное количество машин, мотоциклов и пушек, лежали у подножия рукотворных гор из стрелкового оружия, миномётов и прочей сопутствующей амуниции. Всё это хозяйство, конечно же, охранялось, но кое-как, вечно пьяным, долговязым малым, лет тридцати. Он был малость не в себе и потому имел привычку пугать забредших на свалку пацанов петардами, которых в своих бесконечных блужданиях отыскивал в своём хозяйстве. Они попадали туда как списанные нерадивыми хозяевами, которым лень было возиться с документацией, а потом вывозить и уничтожать на полигоне, когда под боком располагались гектары непролазного железа.

Но не поэтому пацаны побаивались ходить туда. Слухи про это место ходили страшные. Говорили, что по ночам из-под разбитых останков выходят призраки солдат и бродят, освещая себе путь призрачными фонариками. Особо знающие, многозначительно качая головами, утверждали, что ищут те призраки свои сгоревшие танки и самолёты, и пока не найдут, не

успокоятся. А того, кто попадёт к ним в руки, заставляют искать вместе с ними, да так, что бедолага, израненный острыми железками, истекая кровью, умирает.

Несомненно, самыми заинтересованными распространителями слухов были родители пацанов. Странное дело, мальчишки верили этим рассказам и старались без необходимости не забредать на свалку. Да и то сказать, толкового там уж ничего не осталось, – так, скрученное, сгоревшее железо, от которого до сих пор со времён войны шёл тяжёлый дух оплавленного металла.

Имелись и иные достопримечательные места в округе. И самым загадочным, таинственным и наводящим мистический трепет среди них было заброшенное немецкое кладбище. По своим размерам оно не могло считаться большим, но Антоше и иже с ним оно казалось бесконечным со своими аллеями, проулками и проходами между красиво поставленными оградками и бетонными цветниками.

Спервоначально оно пугало и вселяло боязнь, порождая в глубине души почтение, трепет и бог весть какие ещё неизъяснимые, тёмные страхи. Потом Антон, освоившись, обнаружил, что кладбище было местом ничуть не менее обжитым, чем жилой квартал, начинавшийся метрах в пяти через брусчатую дорогу. Дом Антона стоял всего в двух домах от кладбища и самый короткий путь на речку пролегал как раз через него. Идя на реку, Антоша всегда с любопытством, подолгу задерживаясь, рассматривал какую-нибудь скульптурную композицию, стоявшую у входа в склеп. Все склепы были давно разорены. И все же разверстая темь входа, ранее прикрытого плитой, все равно вызывала озноб в душе любого пацана. Оттого охотников залезать в эти каменные мешки находилось мало.

Некоторые из мальцов не находили в пребывании в таком месте ничего страшного. Часто можно было видеть, как из какого-нибудь склепа, превращённого в тайное убежище, вился дымок. Иногда, ради любопытства, Антоша с Чумой заглядывали туда. В сумраке подземья они видели внизу вполне обустроенное помещение, с лежанками, столом, непременно пустыми бутылками в углу и кострищем. Такой склеп служил многим целям, но лишь по вечерам. Днём он пустовал и только парни из соседней ремеслухи иногда отводили там душу за парой-тройкой бутылок дешёвого портвейна.

Меркантильный интерес к кладбищу имел практически весь окрестный люд. Старшее поколение с безучастным равнодушием разбирало все, что относилось к подобию стройматериалов. Добротнейшей работы, с красивым литым орнаментом из цветной гранитной крошки надмогильные цветники, десятками умыкались с кладбища, чтобы потом, измолотыми в щебенку, обнаружиться в фундаменте чьего-либо дома. Из них же, разбитых на плиты, были выстроены все близлежащие сараи, так что на многих из них можно было прочесть чью-либо эпитафию, выбитую красивым готическим шрифтом. Антону, по роду занятий каждого пацана, шманая в компании Чумы из таких сараюшек мочёные яблоки вперемешку с солёными огурцами, часто видеть эти надписи. На самом кладбище эпитафии терялись в общем количестве впечатлений. Вырванные же из естественного окружения, они запоминались особенно. Любопытный Антоша первые свои эстетические впечатления от красоты печатного слова получил таким экзотическим способом.

Все рельефы, барельефы, горельефы и так далее, по мере возрастания объёма гранита и мрамора, содержавшегося в них, вплоть до двухметровых статуй и резных фриз, украшавших фамильные усыпальницы, без разбору изымались со своих мест прописки и увозились в неизвестных направлениях. Литые чугунные ограды, скамьи и столики, резной работы фонарные светильники по углам аллей и проулков также были давно убраны теми же заботливыми, рачительными руками. И то, правда, не пропадать же добру неизвестно зачем в этих богом забытых местах! Вот и определяли новые хозяева всему ажурному металлическому убранству этого ненужного никому кладбища другие места обитания. А то, что не понадобилось до поры до времени, сиротливо укрывалось за стройными рядами красавиц туй. Они как-то не уклады-

вались в сознание местного обывателя, тем самым выпав из потребительского списка, а потому сохранились в первозданно-распланированном порядке. Никто их не рассматривал как нужную в хозяйстве посадку, – ни как ёлку к Новому году, ни как древесину на столярные работы, ни как декоративную зелень. Так, сорный, кладбищенский кустарник! А кустарник, избавленный провидением, а ещё особым менталитетом местного населения, разрастаясь, скрыл со временем от нескромного взгляда чудовищное разорение сего скорбного места. Он словно взвалил на себя нелёгкий труд врачевателя, желая умерить вину неразумных живых перед душами почивших здесь...

Что и говорить, видя усердный труд своих отцов по очищению местного некрополя от стройматериалов и антиквариата их отпрыски действовали не менее энергично. Эта деятельность являла собой и другой предмет их интересов. Как только с очередной могилы исчезало массивное надгробие, первая же, прознавшая про это событие, компания пацанов дружными усилиями срывала до основания могильный холм, до этого укрытый умыкнутым ритуальным атрибутом. С неослабевающим энтузиазмом, старатели дорывались почти до гробовых досок. С радостными воплями, соединив в едином порыве свои усилия, пацаны выдирали из отверстие могилы прекрасно сохранившуюся мелкоячеистую цинковую сетку. Она была проложена по всем стенкам и заварена сверху. Для чего она была нужна, оставалось тайной забытого ритуала. Надо думать, этой сеткой живые хотели предохранить себя от лишних визитов усопшего родственника с того света. Сетки находили во всех могилах и, стало быть, запасов хватило бы её добытчикам на долгие годы. Сама же сетка представляла собой в глазах взрослого и юного населения города весьма драгоценный ресурс.

Особой любовью и пристрастием тогдашнего, надо сказать, довольно голодного времени, была среди населения страсть к разведению кроликов. Сетки для этого требовалось немереное количество и обнаруженные её залежи пришлось весьма кстати для изготовления замечательных и простых в обслуживании клеток. Так как аппетиты подрастающего послевоенного поколения росли не по дням, а по часам, то и клеток требовалось для удовлетворения сей надобности в геометрической прогрессии. Эта добротная, оцинкованная сетка имела приличную стоимость, но деньги за неё не брали. Добытчики, правильно расценив реальное соотношение стоимости банкнот и живого товара, предпочитала брать натурой, а именно кроличьими тушками и их же выделанными шкурками. Промысел по официальным версиям закона являлся нелегальным, за что участковые карали провинившихся штрафом всё тем же кроличьим товаром. Но всё это была буря в стакане воды! Что там сетка в масштабах кладбищенского промысла, когда вывезли само кладбище! И потому самый тихий и незаметный приработок стал самым большим доходным местом вольных торговцев.

Эта сетка была для школьной братии совсем не абстрактным предметом. Во всех городских школах интенсивно практиковалось разведение очень перспективных сортов кроличьей живности. А потому учащиеся разных классов должны были собирать траву для этой, до жути прожорливой, ушастой оравы. В дополнение к этому каждый день все классы по очереди производили уборку сих ароматнейших мест обитания пушистых симпатяг. А вот куда девалось избыточное население затянутых цинковыми сетками клеток, было для всех сплошной загадкой. Правда, слухи о том, что директор реализует этот избыток в местную столовую, где завоём работала его жена, были сами по себе страшно крамольными, и потому их не очень-то озвучивали, предпочитая кивать куда-то наверх с многозначительным поджиманием губ.

Так или иначе, но обещанного кроличьего мяса к школьным обедам учащиеся так и не дождались. Для Антона, и для пацанов сетка была эквивалентом золотого запаса, ибо те раки, которыми так любили потчеваться их отцы, добывались раковушками, изготовленными из перепадающих им жалких остатков сеточного промысла.

В первые месяцы обитания около столь интригующе-таинственного места, притягивающего значительное внимание юного Антоши, он не решался заходить или надолго оставаться

на территории кладбища. К тому времени оно уже потеряло весь свой цивилизованный вид и понемногу стало выглядеть заброшенным парком, где проводили какие-то земляные работы, да так и оставили. Расчищена была лишь одна главная аллея, по которой в дни отдыха дефилировали редкие парочки, да проходили на реку любители поплавать.

Прятели, спеша по своим делам, часто видели нагруженные тачки, тележки, подводы, а то и грузовики, с наваленным доверху кладбищенским ассортиментом. Мужики, красные от натуги волокли добытое по аллеям, не обращая внимания на мелюзгу, шныряющую под ногами. В те годы такое отношение к наследию, отвоёванному у поверженного врага, не считалось зазорным. Победители, раздавившие фашистскую гадину, делали всё, чтобы искоренить и сами следы его на отвоёванной территории. А уж с таким памятным, сакральным местом для каждого «фрица», сам бог велел не церемониться! Чтобы и духу его здесь не оставалось! Мужики, пренебрежительно сплёвывая на могилки, делились друг с другом своей радостью по поводу вложенных в кладбище средств. Вот и таял некрополь с каждым годом, обнажаясь поруганными могилками, как больное тело язвами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.